

Анелия Кутузова

ГРИБНАЯ МЕТАФИЗИКА

Анелия Кутузова

ГРИБНАЯ МЕТАФИЗИКА

«Автор»

2026

Кутузова А. Ю.

ГРИБНАЯ МЕТАФИЗИКА / А. Ю. Кутузова — «Автор», 2026

Сибирский ученый Степан Генрихович, готовя на кухне грибную икру, совершает открытие, способное перевернуть социологию. В тесной стеклянной банке, где спрессованы уродливые грибные ножки и обрезки, он видит точную модель человеческого общества. Его теория безжалостна: мир — это замкнутая система, где «белые грибы» (интеллигенция) обречены на вечную осаду со стороны «грибных остатков» — шумного, агрессивного планктона, сбрасывающего социальную энтропию. Профессор видит в каждом хаме в автобусе и соседе с перфоратором не злонамеренность, а неумолимый закон физики. Отчаяние от несовершенства мира приводит ученого к прозрению через призму булгаковского «Собачьего сердца»: бесполезно пытаться сделать из фарша аристократов. Но если банку нельзя опустошить, ее можно правильно упаковать. Это философская, глубокая и очень теплая история о том, как смирение с хаосом становится высшей формой любви, а бутерброд с грибной икрой — доказательством того, что мир устроен правильно.

© Кутузова А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Научная аллегория	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Анелия Кутузова

ГРИБНАЯ МЕТАФИЗИКА

Научная аллегория

Кухня Степана Генриховича плавилась. Аномальное сибирское тепло, которому в октябре полагалось давно уступить место первому дыханию Обского моря и заморозкам, застряло в панельных стенах Академгородка, превратив квартиру в парник. Воздух был густым, плотным, его можно было резать ножом — так пахнет пряная, влажная истома. Запеченный чеснок, терпкий дух укропа и этот ни с чем не сравнимый, аристократический аромат боровиков, только что извлеченных из корзины.

Степан Генрихович сидел на старом венском стуле у окна, сложив руки на коленях. Это была поза Будды, уставшего от созерцания собственного пупка, поза демиурга, у которого кончились идеи для новых миров. Он просто смотрел. Стул тихо поскрипывал, когда он чуть менял позу, и этот звук был ему знаком с юности — будто дом тихонько напоминал: ты всё ещё здесь. Колени ныли, но он не хотел подавать виду, не хотел вставать и тем самым признавать, что тело теперь требует паузы чаще, чем раньше.

Напротив, у заляпанного томатным соком стола, священнодействовала Клавдия. Клавдушка. Экономка, друг семьи, единственный человек, который умудрялся выживать в стерильном, пропитанном формулами быту профессора уже третий десяток лет. Она не резала грибы — она препарировала их. Маленький нож в ее пухлых пальцах двигался с точностью нейрохирурга: шляпка к шляпке, ножки — отдельно, в эмалированный таз. Лезвие ножа тонко звякало о край таза, и этот короткий металлический звук был для Степана почти родным, как тиканье старых часов. От Клавдушки пахло хозяйственным мылом и тёплым хлебом из булочной у метро — запах, который не менялся годами и оттого казался надёжнее любых формул.

— Вот сейчас все закрою, — приговаривала она, не глядя на профессора, ее голос был низким, уютным, как шерстяной платок. — Все частички грибные между собой подружатся. Им в банке тесно, Степа, у них вариантов нет драться. Прижмутся друг к дружке спинками. Смирение у них. Иначе банка взорвется.

Степан Генрихович моргнул. Солнечный блик, пробившись сквозь листву за окном, ударил в только что протертое стекло шкафа, рассыпался на тысячи радужных осколков и осел на седой щетине профессора. Свет был слишком ярким, почти режущим, и Степан невольно прищурился — глаза уже не справлялись с контрастами так, как в молодости, когда любой блик казался открытием. Он медленно перевел взгляд с окна на Клавдушку.

— Да... возможно... — протянул он, и звук собственного голоса показался ему чужим, словно кто-то включил старую пластинку на 33 оборота вместо 78. Голос прозвучал чуть хрипло, с лёгкой шероховатостью, будто слова цеплялись за пересохшее горло. Он провёл ладонью по лицу — кожа была тёплой, чуть шершавой, и это ощущение напомнило ему, что он всё ещё здесь, в этой кухне, в этом времени.

Его мысли были далеко. Там, где сейчас находилась Анна Александровна. Жена уехала в санаторий в Крым — «к воде, Степушка, мне нужно к воде, здесь кости сохнут». Она оставила после себя запах лаванды и абсолютную, звенящую пустоту. Дети давно разлетелись: старший — в Сколково, младшая — во Владивосток, внуки появлялись только в виде плоских, улыбающихся лиц на экране смартфона. Дом, который десятилетиями гудел от их топота, теперь принадлежал только звукам: гудению холодильника, мерному дыханию старенького кота и вот этому — чавканью ножики по грибной плоти.

— Ты бы прилег, Генрихович, — не оборачиваясь, бросила Клавдушка, утрамбовывая рыжую грибную крошку в банку стертым деревянным пестиком. Пестик глухо постукивал по стеклу, и каждый удар отдавался в груди Степана странным, почти успокаивающим ритмом. — Глаза-то ввалились. Сидишь, как ворон на жердочке.

— Я в порядке, Клав, — отозвался он, хотя «в порядке» было последним словом, которым можно было описать состояние профессора в отставке, чей главный эксперимент — жизнь — подошел к стадии наблюдения за энтропией.

Он смотрел на ее руки. На то, как безжалостно, но без злобы она обрубает уродливые, поеденные слизнями ножки. Красивые, цельные шляпки — те, что пойдут на маринование, — она укладывала бережно, по ранжиру, заливая янтарным маслом. Они будут храниться отдельно. Эстетика требует изоляции. А вот крошево, рваные края, темные пятна — все то, что портит вид, — Клавдушка безжалостно смахивала в таз.

— Жалко выкидывать, — словно прочитав его мысли, вздохнула она. — Хороший гриб, белый, а вид помятый. Вот и будет нам икра вкуснящая.

Степан Генрихович сглотнул. В горле пересохло, несмотря на влажный, пряный воздух кухни. Он вдруг понял, что не дышал последние полминуты. Банка в руках Клавдушки, наполненная плотно спрессованной, перекрученной массой грибных «остатков», смотрела на него темным стеклянным глазом. Стекло было прохладным на вид, и Степану на секунду захотелось прикоснуться к нему, чтобы почувствовать эту холодную твердость, которая удерживала внутри всю эту влажную, теплую жизнь.

— Клав... — хрипло начал он, но осекся.

Она наконец выпрямилась, вытерла лоб тыльной стороной ладони и посмотрела на него поверх очков. На стеклах очков остались лёгкие разводы, и в них преломлялся свет, делая её взгляд чуть мягче.

— Чего, Степ?

Он не ответил. Медленно, со скрипом суставов, который в этой тишине прозвучал как выстрел, он поднялся со стула. Поза Будды разрушилась. Демиург вспомнил, что у него есть кабинет.

— Я... сейчас.

Он развернулся и пошел к двери. Не шаркая, как старик, а стремительно, как человек, у которого только что выбили почву из-под ног, чтобы тут же подставить под них гранитную плиту нового закона.

— Банки-то не пугай, — крикнула вслед Клавдушка, снова берясь за пестик. — Им и так тесно.

Дверь кухни закрылась, отсекая тепло и запахи. Степан Генрихович шагнул в коридор, и на него дохнуло прохладой. Холод был резким, почти колючим, и он на секунду замер, давая телу привыкнуть к смене температур. В этом холоде не было уюта — только ясность. Он почти бежал в свой кабинет, к холодному свету монитора. Банка взорвется, если частицы будут драться. Банка взорвется, если им станет тесно. Банка не взорвется, если они подружатся в своей тесноте. Смирение. Или физика. Он еще не решил, как это назвать, но ему срочно нужна была бумага. И ручка.

Кабинет ударил по рецепторам холодом.

Здесь не было жизни. Здесь была информация. Монитор заливал комнату мертвенно-бледным, ртутным светом, превращая седые волосы профессора в тусклое серебро.

Вместо запаха жизни — сложная смесь старой, желтеющей бумаги, сухой типографской пыли и едва уловимого, тревожного озона, который всегда выдает работающий на пределе системный блок. Стопки распечаток, графики, корешки книг по теоретической физике — все это смотрело на него с немим укором нереализованных идей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.